

Владимир ПЕТРОВ

ИМЕННЫЕ ЧАСЫ

Владимир Иванович Петров родился в 1947 г. в с. Старояшикине Грачёвского района Оренбургской области. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта. Служил в армии. Работал на различных инженерных и руководящих должностях в системе МПС. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостинный Двор» им. Валериана Правдухина, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2017).

Ночная развозка рабочих второй смены задерживалась. На выезд дежурного автобуса не давал разрешения начальник сборочного комбината Медников, который сам, отработав первую смену, во вторую остался. Завод испытывал финансовые трудности, и для поправки дел требовалась срочная отгрузка заказчикам дорогостоящей продукции. Этим и занимался Медников в этот сильно продлившийся для него рабочий день. Только что вернулся он с испытательной станции дизелей, очень усталый, но довольный: замечания приёмщика контрольной инспекции наконец-то были устранены, и подписаны необходимые документы.

— Спасибо за службу, — поблагодарил он слесарей дизельного цеха, — такое дело свернули!

— За «спасибо» шубу не сошьёшь.

— Нам бы хрустящие на мутоновую...

— Высоко хватили. Не получится. Но каждому на пошив шубы будет, — пообещал он и заторопил: — Быстренько мойтесь и поедем. Чую, заждавшиеся коллеги ваши съедят нас без приправы. Здорово их задерживаем.

— Костистые мы... Подавятся! — белозубо улыбнулся бригадир слесарей Андреичев, чистой ветошью вытирая с лица машинное масло.

Пока дизелисты собирались, Медников вызвал по селекторной связи мастера железнодорожного участка и диспетчера производственной службы, предупредил:

— До утра чтоб все дизеля стояли на платформах. Головой отвечаете.

Следом за дизелистами Медников поднялся в автобус, извинился перед недовольными рабочими за непредвиденную задержку. Усевшийся рядом с ним Андреичев спросил:

— Где выходишь?

— В Хлебном. За переездом вторая остановка и вверх, к воинской части.

— И мне туда же. А дом какой?

— Пятнадцатый. Рядом с детским садом.

— Так мы, оказывается, соседи. Мой следующий, возле гаражей. Надо же! Домами рядом, а встречаться не приходилось.

— Вероятность была малая. Больше на заводе крутился, но чевать лишь приезжал. Выходные у родственников проводил.

Их у меня хватает, корнями-то я здешний. Что одному в пустой квартире сидеть... Теперь другое дело: семью привёз, веселее стало, — Медников вдруг запнулся, вздохнул тяжело, — вот чёрт возьми! Замотался с дизелями, запамятовал совсем, что гости к нам сегодня обещались. Ох и попадёт же мне от супружницы!

— Раз такое дело, маршрут изменим, через Хлебный махнём, — приподнялся Андреичев в намерении пройти к водителю автобуса.

— Нет, нет... — остановил его Медников. — Ни в коем случае! И так задержали всех.

— Поймут. Иначе часа полтора ещё дома волноваться будут. Маршрут длиннючий. Раньше два автобуса ходили. Теперь один, так и не нашли замену поломанному. Приходится ежедневно направлениями чередоваться, чтобы никому обидно не было.

— Не будем ломать заведённый порядок, — твёрдо сказал Медников, давая понять, что разговор окончен. — Мне эти сэконоленные часы не помогут. Объяснюсь как-нибудь.

Он уселся поудобнее, прикрыл глаза, решил: «Завтра же к директору зайду по второму автобусу».

...С полгода, как приехал Медников в степной областной город. По семейным обстоятельствам со Смоленщины на родственный завод, переживающий не лучшие времена, перевёлся.

Два последних директора, разные по методам руководства, но одинаково рискованные и не очень чистые на руку, своими экспериментами крепко пошатнули заводские устои, долго ещё будет аукаться...

Но не унывал Медников. Ему ли, выросшему в трудовой семье, трудностей бояться? Нелегко, конечно, на новом месте начинать и по службе, и по личному обустройству, но справится, хныкать не станет. По своей воле добился перевода и не жалеет о том: на родину приехал, старикам будет как следует помогать. И правильно сделал, что на серьёзную должность согласился: молод ещё, сил и мозгов не занимать, лишь бы с людьми по работе сойтись по-деловому.

— Приехали, — Андреичев легонько тронул за рукав пришедшего Медникова.

— Выходим? — спросил тот, стравивая с себя дремоту, словно капли дождя, барабанившие по стёклам автобуса. — Льёт, похоже?

— Ещё как!

Медников глянул на часы:

— Ого, три уже!

Накинув на форменную фуражку капюшон военного плаща — память о службе в армии после окончания института, двинулся навстречу дождю, по-осеннему напористому. Впереди послышался звон разбитого стекла, звучно сработала сигнализация.

— Промтоварный грабят, — определил Андреичев. — Внаглую,

однако. При включённой сигнализации.

— Время глухое выбрали и погоду, подходящую для грабежа, подгадали. Ишь как сыплет да ветром закручивает!

— Отделение милиции рядом. Накроют.

Но дошли они до промтоварного магазина, а милиции всё не было. Через освещённую витрину Медников увидел грабившего. Второй с мешком на плечах прытко метнулся от разбитого стеклянного проёма в темень. Андреичев догадался позвонить по телефону-автомату, установленному у входных дверей в магазин, выдохнул с удовлетворением:

— Выезжают. Так и знал: пульт у них не сработал. Просили проследить за грабителями до их приезда.

Ждать пришлось недолго. Выскочивший из милицейской машины шустрый и крепенький капитан сильно стиснул им руки, уточнил обстановку.

— Значит, так, ребята. Я в магазин нырну, а вы у разбитой витрины покараульте, пока водитель подмогу не вызовет по рации, — распорядился милиционер, дал Андреичеву свою резиновую палку. — Не стесняйся в случае чего... Уж извините меня за просьбу. Разбежались мои по городу, безобразий сегодня много.

— Он случаем не под газом? — спросил Медников у Андреичева.

— Исключается. Трезвенник он. Ещё у моего брата с младших лейтенантов начинал. Борьбой боевой, боксом занимается. Отчаянный, правда. Как Чапай, ничего не боится. Вот и сейчас рванул без подстраховки.

— Да не Чапаев он. Василий Иванович осмотрительным был. Это Фурманов его на коня посадил, шашку сунул и впереди двадцать пятой конной дивизии кинул в бой... На самом деле дивизия эта стрелковой была, и не жаловал он лошадей, лимузины предпочитал. И концовку книги о Чапаеве искажил писатель...

Медников не успел досказать. В магазине хлопнул выстрел, следом другой, послышался отборный мат. Подъехала подмога, но она уже не требовалась. Капитан один смог скрутить верзилу, наручники надеть. В присутствии привезённой на второй машине директрисы магазина и свидетелей-понятых Медникова с Андреичевым он стал вытаскивать из карманов грабителя часы, украшения и другую галантерейную мелочь.

— На что тебе столько? — спросил у него ехидно.

— Чтобы вам поменьше досталось, — огрызнулся тот. — Не одной же ей жировать. С зарплатами, что ли, её разнесло?

— Заткнись. Не на митинге, — тряхнул его капитан. — Скажи лучше, кто поделщик?

— Одиночник я.

— А вот свидетель, — капитан указал на Медникова, — говорит, что вдвоём вы были.

— Выслуживаешься? — повернулся к нему верзила. — Давай, давай. Медальку, может, заработаешь. Глядишь, и часами именными наградят... вот из этих, которые, как и многое другое, поделят между собой, а на меня спишут.

— Довольно! — крикнул капитан и так аккуратненько и точно двинул локтем в солнечное сплетение, что верзила со стоном переломился и прохрипел:

— Бей, мусор... пока твоё время. Моё придёт — рассчитаемся.

Капитан не выдержал, резким ударом в подбородок свалил его на пол, заставил молчать.

— Отволоките его, — приказал он подчинённым. — И добавьте за «мусора». Разговорился, сволочь. Чисто кандидат в депутаты от эзков.

— Мы свободны? — спросил Медников.

Возбуждённый капитан словно удивился вопросу:

— А протокол? Его подписать надо... В отделение придётся проехать.

— Я не могу, — сказал Медников.

— Его дома заждались. С утра не был и не предупредил, — подтвердил Андреичев.

— Не задержим долго, — не отпустил Медникова капитан, сказал своему водителю: — Привезёшь обратно до подъезда. Езжайте. Быстренько всё оформите. Я задержусь, директрису опрошу.

Однако быстро не получилось. Пока свидетельские показания брали, пока протокол

печатали, времени прошло достаточно много, и только в пятом часу попал Медников домой. С порога стал объясняться перед заплаканной женой.

— Живой, слава богу, — успокоилась она. — Чего только не передумала.

Медников скинул мокрую одежду, быстренько умылся и переоделся в сухое, прошёл на кухню. Стол после гостей ещё не был убран, и не ужинавший Медников почувствовал, как он голоден.

— Ангренские были. Тебя всё дожидались. Поздно ушли.

В приоткрытую дверь заглянул заспанный мальчонка:

— Всё в порядке, папа?

— Нормально, сынок. Спи. Рано ещё.

— Телефон надо поставить... за любые деньги, — сказала жена, убирая со стола. — При твоей работе без него не обойтись.

— Займусь, — пообещал он.

— И чего связался с ними? — не одобрила она действия мужа, когда тот рассказал ей о случившемся. — Позвонили в милицию, и на том спасибо.

— Такой уж безотказный, — ответил он. — Таким вырастали... Ну, ладно, не переживай. Дай хотя бы пару часов подремать.

— Вляпаешься ты как-нибудь со своей безотказностью, — не успокаивалась жена. — Не приведи господи...

Но он уже не слышал её, уснул как убитый.

Затушевалось бы незаметно это ночное событие беспокойной работой Медникова, домашними заботами и прочими делами, если бы недели через две после предотвращённого ограбления магазина на одном из заводских совещаний подполковник милиции не вручил ему, как и Андреичеву, часы с выгравированной на крышке благодарственной надписью.

— Хорошо у нас начал, — поздравил Медникова коллега по работе, не один десяток лет отдавший заводу. — И в производство с ходу вошёл, словно всё время здесь работал, и с людьми контактишь, и вот часы именные получил. Поздравляю!

— Не за что. А по работе тебе спасибо за шефство на первых порах. А часы? Без Андреичева и не вспомнили бы про меня. Его через брата знают, а я, как говорится, за компанию... И любой на моём месте так же поступил бы.

— Не скажи. Сейчас каждый в скорлупу свою забивается, от всего шарахается. Думает таким образом смутное время пережить. А жульё и прочая погань пользуется этим. Верно о том подполковник говорил.

«Им бы поменьше говорить, — подумал Медников, — не допускать, чтобы сигнализация не срабатывала. Насчёт скорлупы тоже верно: сколько времени сирена выла, но никто из жильцов дома не откликнулся, хоть до утра звени». Не обрадовался

он именованным часам. Напротив, встревожился. Вспомнился с наглым прищуром взгляд верзилы, уверенного в себе и неглупого, как показалось ему. Логика в его словах прослеживалась. Любопытства ради он по пути домой в промтоварный магазин заглянул, увидел под стеклом прилавка точно такие же, как и вручённые ему, часы.

— Ишь ты, — удивился он случайному, быть может, совпадению. — Угадал он!

И когда достал из почтового ящика вместе с кипой выписываемых газет повестку в суд, расстроился даже и не мог скрыть от жены плохое настроение.

— Случилось что? — спросила она.

— Да нет... Всё нормально, — поцеловал он жену. — Устал что-то...

О часах и повестке не сказал. Может, уладится всё.

«Почему же внезапно грабил? Пьяным был бы... тогда другое дело, — рассуждал он, просматривая свежие газеты, и обругал себя: — Что я о нём? Бояться, что ли, всякой нечисти? Посмотрим, как сгорбится верзила этот на суде. Обязательно пойду и выступлю».

Когда же за день до суда ему предложили командировку, не отказался, где-то обрадовался даже, что не придётся идти. Нашёл Андреичева, отдал повестку:

— Отметь, если что...

— При условии, если про Чапая до конца узнаю, — не забыл

тот рассуждений Медникова в ту дождливую ночь.

— А-а... Понял. Так вот. Ни Петьки, ни Анки в последний момент при Чапаеве не было, как Фурманов изобразил в своей книге. И никто из очевидцев не видел, куда делся он. Многие выдумал комиссар в своём романе, не имея на то права. Другое дело, если бы изменил фамилии и наименование дивизии, тогда художественный вымысел был бы оправдан.

Управившись с командировочным заданием, на обратной дороге на пару сэкономленных дней к сестре своей заглянул, посмотреть, как они живут, и с мужем её, известным на Урале судьёй, поближе познакомиться. Не раз его статьи в центральной прессе появлялись, и о нём самом приходилось читать. Оказалось, тот служит с недавних пор в другом месте, тоже на ответственной должности, но никак не связанной с прежней работой.

— Замучили звонками, намёками разными, — по-родственному доверительно выдала сестра причину такой резкой смены мужем работы.

Сам же бывший судья умно уходил от серьёзного разговора, связанного с его прежней должностью:

— Давай лучше ещё кружок сделаем по ельнику, пока не растаял снег. Рано лёг он в этом году...

Медников старался не отставать от него, высокого, широкоплечего, технично катившегося

на лыжах, и догадывался, как жетса, о его проблемах. «Далеко зашло...» — подумал он.

После общения с родственником сделал для себя вывод, что лучше с преступным миром не связываться, но не смог утвердиться в том: «Выходит, и я в скорлупу забираюсь... От суда улизнул... Отказал судье в своей поддержке. Нехорошо!»

По возвращении домой к нему зашёл посеревший лицом Андреичев, вернул ему повестку с проставленным новым сроком вызова в суд.

— На дорасследование дело передали. Что-то там не состыковалось...

«Отлично! — обрадовался Медников. — Обязательно схожу и выступлю».

Он хотел поделиться с Андреичевым своими мыслями по этому поводу, но тот торопился в больницу почечные камни выводить. Пришлось Медникову одному давать свидетельские показания. Искренне он говорил, как и намеревался, но всё же неуютно чувствовал себя на всеобщем обозрении, словно приметил обращённые на него взгляды дружков подсудимого. С таким настроением вышел он на улицу, прошёл мимо подозрительных курильщиков. Вслед послышалось:

— Этот, что ли?

— Гуляет гнида образованная...

— Недолго ему шестёрничать...

Он ускорил шаги, намереваясь быстрее дойти до остановки. Спиной почувствовал идущих следом, почти побежал, услышал совсем близкое дыхание преследовавших.

— Не уйти... — остановился он, нащупал в кармане трёхгранный напильник, приготовленный для заточки ножовки, повернулся, готовый на всё.

Двое преследовавших, чуть не налетев на него, отпрыгнули в сторону, не обращая внимания на оцетинившегося человека, побежали дальше, успели вскочить в тронувшийся уже автобус.

С минуту стоял Медников, оцепенев в защитной позе, с мёртво зажатым в руке напильником. Потом резко выпрямился и расхохотался так громко, что стайка девочек-первоклассниц и степенная парочка в кожано-норковом одеянии заблаговременно обогнули его, решив, наверное, что у этого человека не все дома.

НЕ ПРОЩУ!

Фронтовику Синеглазову, прошедшему Вторую мировую без единой царапины, на восьмом десятке лет ампутировали обе ноги. Он лежал в одиночной палате лучшей в городе больницы, безучастно дожидаясь конца врачебного осмотра, глядел в окно на предзимнее с грузными облаками небо цвета его синих поблёкших глаз.

— Будем жить, Пал Палыч! —

довольный состоянием ампутированного, улыбнулся хирург, оперировавший Синеглазова, казалось бы, безнадежного в запущенной гангрене.

— А на хрена мне такая жизнь? — не разделил его радости пациент. — Обрубком на диване валяться, даже нужду не способным как положено справиться? Кому я теперь нужен...

— Вот это ни к чему, — оставил его хирург. — Не отвернется Олег. Уж поверьте мне. Вернется из командировки — тотчас явится.

Лёгко на помине, в палату вошёл сын ампутированного — крупного телосложения, с пронзительно голубыми глазами.

— Посмотрим, посмотрим, чем здесь эскулапы занимаются, — бодро начал он, откинул простынку, прикрывающую культю отца. Даже мысленно подготовленный к тяжёлому зрелищу, он осёкся, захлебнулся словно. — Надо же так отчекрывать!

— Укоротили малость, — пытался пошутить Синеглазов-старший, но слишком слёзно это у него вышло, и он тоже затих.

— Будем жить! — тревожную паузу заполнил хирург. — Чуть раньше надо бы, но ничего... Выше — живые ткани, здоровые. Сообща всё преодолеем. Я коляску с ручным приводом берусь пробить. Олега попросим под габариты квартиры её по-инженерному додумать. Так что вам, Пал Палыч, только и остаётся, что рулить.

— А как скоро можно будет забрать отца? — спросил пришедший в себя Олег.

— Пару недель подержим. Могу продлить, хотя надобности в этом не вижу. Состояние нормальное.

— Не будем тянуть, — поспешно сказал Олег, словно боясь, что врач передумает. — Ни к чему отцу в больнице маяться, когда дома все условия: комната отдельная и кормёжка соответствующая. Главное, с родными ему веселее, чем при больничной сиделке, какой бы внимательной и доброй она ни была. Да, пап?

— Спасибо, сынок, — благодарно кивнул отец. Кажется, и сини в его глазах прибавилось.

Олегу до слёз стало жаль отца, всегда решительного, твёрдого, уверенного в себе, а теперь вот разом потерявшего эти качества и сникшего до неузнаваемости.

Только ненадолго хватило ему этой внезапно нахлынувшей теплоты. Не успел он сбежать с третьего этажа больницы, как затаившаяся на время мыслишка вновь стала точить его, червячком усиленно взрыхлив почву, на которой она и проросла, подленькая...

...Ладно всё складывалось у младшего Синеглазова, единственного в семье. Безоблачно жилось ему при родителях в районном посёлке. Удачно всё сложилось и далее, когда в город за высшим образованием подался. С первой же попытки поступил

в политехнический институт, легко получил диплом и здесь же, в областном центре, жизненно определился. С престижной должности на крепком заводе начал, в гору быстро двинулся. Женился. Квартиру получил. Дачей обзавёлся, машиной. Сын родился, как положено, синеглазый.

Словом, жил да радовался до поры до времени, от работы не отлынивая, с людьми простыми ладя, покуда к заводскому начальству близко не прибился и воочию не увидел под масками показной озабоченности за трудовой народ истинные лица директоров, при которых работать ему довелось. Не устоял он в зависимости своей. Пристальнее стал присматриваться к началству, хамелеоновские методы их понемногу начал перенимать. Способным учеником оказался Олег Синеглазов. Порадовал бы он своих учителей, да неожиданно быстро новореформенное времечко заломило завод. Не успел Олег как следует развернуться на нём, нужными связями обрасти в городе.

— Эх, раньше бы чуть! — за переживал он. — Что же теперь? Как дальше-то?

Этот момент и подгадала жена, немка по национальности. Предложила мужу в Германию уехать к её родственникам, покинувшим ранее Россию и неплохо там устроившимся.

«А что? Хуже не будет, — рассуждал Олег. — Российский

беспредел только начинается. За бугром переживём лихолетье. А там видно будет». Подумал ещё: «Лишь бы отец, недавно перебравшийся к нам на житьё из района, добро на это дал».

— А не махнуть ли на родину вот этого напитка? — вкрадчиво спросил он, угощая отца специально купленным для серьёзного разговора баварским пивом. — Поехал бы пожить там в нормальной обстановке?

— Никогда! — с ходу отрезал Синеглазов-старший. — Мне, русскому человеку, лучше круто посоленный чёрный хлеб с водой, чем немецкие бутерброды хвалёным ихним пивом запивать. Не для этого я Берлин брал в сорок пятом!

— Да нельзя же всё на один аршин мерить. Полвека с той поры утекло, мир сильно переменялся с тех пор, — возразил Олег, но не смог переубедить отца.

Вот тогда-то и проклюнулась в Синеглазове-младшем, ростки дала мыслишка подленькая: «Что ж, раз отец такой принципиальный и патриотичный, пускай и доживает свой век на хлебе с водой. А мне до лампочки, под каким флагом жить и кому кланяться. Лишь бы бабки водились».

...Олег выскочил из больницы на свежий воздух. Не застегнув кожаную куртку, торопливо зашагал аллеей больничного сада. Стояла поздняя осень. Лишь одиночные листочки, застиранные

дождями, желтоватыми лоскутками трепыхались на ветру. Начали кружить первые снежинки, обещавшие скорый зазимок. Но, как бывало раньше, не подставил Олег им ладони, не залюбовался их дивной резной красотой. Не до того ему было. Мысль о Германии подгоняла его. На радость жене, тайком от отца стал он собираться в дальнюю дорогу. Выгодно продал дачу, машину, покупателя на свою четырёхкомнатную квартиру за хорошие деньги сыскал. Сполна их с него получив, прописал заблаговременно, чтобы потом при отъезде не канителиться. На вырученные деньги приобрёл немецкую валюту. Словом, последнее осталось — квартирное добро сбыть да с отцом определиться. И... вот эта очень несвоевременная ампутация!

— Съездил бы в районный посёлок к двоюродному братцу, единственному родственнику своему. Чать не откажет присмотреть за Пал Палычем, — советовала жена. — Не обидим деньгами.

— Не хочу быть обязанным ему, — не соглашался Олег. — Прилипчивый он больно, сама знаешь. Он в случае чего и в Германии достанет!

— Тогда как же? С чужими и вовсе не столковаться. Кому такая обуза нужна? Не в Германию же его с собой тащить?!

— Есть вариант, — успокоил Олег занервничавшую жену.

Как раз по реализации этого варианта и спешил он из больницы.

Повезло ему. Обменял он только что подпольно сваренные на заводе два гаража на двухкомнатную хрущёвку на окраине города. Желающих вселиться в неё быстро приглядел среди заводских молодожёнов, согласившихся за безногим человеком как за родным присматривать, что и было скреплено печатью нотариуса.

— Лучше и не придумать! — радостно потирал руки Олег. — И место подходящее: лес, речка. Любуйся себе в окошко. Да и молодые супруги — люди надёжные. Не обидят старика. Деньгами на первый случай их задобрю...

Отца он забрал из больницы в тот же день, как разрешили. Довольный сыновней заботой, старший Синеглазов, конечно же, ничего плохого не подозревал. Он постепенно свыкался с потерей ног, с нетерпением ожидал обещанную хирургом коляску. Иногда через плотно закрытую дверь до него доносились сдержанные незнакомые мужские голоса. Но он не придавал им особого значения, как и скрежету передвигаемой мебели.

Быстро распродал Олег дефицитную обстановку квартиры. Лишь в отцовской комнате ничего не тронул, оставил для той квартиры, где предстояло доживать безногому фронтовику.

Всё исполнил Олег наилучшим образом. Оставалось самое неприятное — сообщить отцу об отъезде в Германию. Не знал,

как сказать. Помог товарищ отца, фронтовик, с которым познакомился старший Синеглазов ещё до своей страшной операции.

— Попрощаться вот зашёл, — сказал гость, прослышавший о поспешных сборах Синеглазовых в Германию. — Вряд ли ещё увидимся.

— Не понял! — удивился Синеглазов колючему тону гостя. — Умирать вроде бы ещё не собираюсь, хотя отчекрыжили дальше некуда! Да и ты, вижу, не торопишься на тот свет. Молодцом выглядишь!

— Я-то родную землю не покину. В неё лягу, как Господь приберёт. А вот ты где думаешь покой обрести?

— О чём это ты? — насторожился Синеглазов, припомнив недавний разговор сына о Германии. — А ну, валяй напрямки. По-фронтовому!

— Да куда уж прямее! Мебель уже из квартиры вывезли. Билеты, слышал, тоже куплены... Вот и зашёл попрощаться, в глаза твои посмотреть.

У Синеглазова аж зашло сердце.

— Есть кто в доме? — заорал он, задыхаясь от гнева.

На крик в комнату заглянула сноха, удивилась незваному гостю. На минутку она выходила в магазинчик возле подъезда. Этого времени и хватило незнакомцу войти в не закрытую на ключ квартиру.

— Решились всё же! Бежать...

За границу! — задёргался Синеглазов, пытаясь подняться на руках.

— Успокойся, папа. Нельзя же так, — обняла она свёкра и с такой злобой глянула на непрошеного гостя, что тот тут же засобирался и ушёл.

— Нельзя же так! — успокаивала она. — Не бросаем же вас, папа, на произвол судьбы и в интернат не сдаём, как некоторые. Квартиру подобрали вам с природой рядом. Хорошие ребята с Олегавой работы присматривать будут. С врачом договорились, так что всё нормально, папа.

— Да какой же я тебе папа! — оттолкнул свёкор сноху. — Не смей так называть меня, фашистка недобитая! Знал я и раньше, что такое родство добром не кончится. На свадьбе по глазам сватов видел, что временщики они здесь, на нашей земле. Не ошибся! При первой возможности укатили. И ты туда же. И сыну голову заморочила... Сейчас же с глаз моих долой!

Долго ещё он бранился, пока не обессилел голосом. От обеда наотрез отказался. Щи на палас специально пролил.

— Скорее с голоду сдохну, чем с рук твоих кормиться! — при этом заявил он снохе, молча наблюдавшей за происходящим.

Оба они с нетерпением ожидали прихода Олега.

— Фашистам проданся?! — не стал выслушивать старший Синеглазов доводы младшего. — Отца родного бросаешь! Не сын

ты мне боле! Знать тебя не желаю! Видеть не хочу!

Всю ночь бесновался он, откуда только силы взялись. Лишь под утро, выдохшись, присмирел. Отвернулся к стенке и лежал неподвижно, ни на что не реагируя.

Словечка не проронил он и при переезде в новую квартиру. А на прощание повернул к сыну измученное, обросшее щетиной лицо, тихо и хрипло выдохнул:

— Не прощу!

...С тяжёлым предчувствием сажился Олег в машину:

— Худа бы не вышло.

— Не переживай, Олежка, — придвинулась к нему жена. — Успокоится отец, отгадет... Конечно же, тяжело ему. Раз за разом такие удары! Только и нас он должен понять... Обживёмся и к себе его возьмём. Должен он к тому времени образумиться и дать согласие на выезд. Зря он так болезненно всё воспринял. Вот увидишь, всё нормализуется.

— Вряд ли... Ну ладно, что теперь об этом, — вздохнул Олег и тронул за плечо водителя. — Поехали!

Выглянуло полуденное солнце. Припудренный молодым снежком город заметно повеселел. Пронзительно-голубыми глазами Олег прощально смотрел на привычное и знакомое, нисколько не жалея, что уезжает. Напротив, радовался он оправдывающим его побег дорожным ухабам, людям, толпящимся на

неухоженных остановках в долгом ожидании общественного транспорта, разрытым траншеям, в которых лежали прохудившиеся трубы отопления, обшарпанным фасадам домов и прочим неустроенностям, попадающимся ему на глаза по пути в аэропорт. Тревога, подступившая было к сердцу при расставании с отцом, отпустила. Лишь в самолёте, взметнувшемся в небо, током пронзило его отцовское «Не прощу!»

Проводив Синеглазовых, молодая чета, неожиданно разбогатевшая и квартирой, и деньгами, с покупками поднялась на четвёртый этаж. Они сами полакомились виноградом, с крупной золотистой кистью вошли к своему подопечному.

— Дядя Паша, а мы виноградику вам принесли, — сказала молодая хозяйка, не сразу заметив Синеглазова у закрытой на верхний шпингалет балконной двери. Рядом валялась швабра.

— Дверь балконную хотел открыть, — догадалась она.

Супруги осторожно перенесли бесчувственного калеку на кровать. Не нащупав пульса, вызвали скорую.

— Отмучился бедняга! — констатировала врач, сердобольная пожилая женщина. — Обширный инфаркт.

Ошарашенные внезапной смертью подопечного молодые молча сидели возле умершего.

— Пойду отобью телеграмму Олегу Павловичу, — нарушил

молчание муж. — Достань-ка адрес их немецких родственников.

— Может, не стоит? — рассудила по-житейски жена. — Отца Олегу всё равно не воскресить. Только лишние хлопоты и расходы. Сами справимся. Похороним как положено. Потом обо всём и напишем.

— Не обидится Олег Павлович?

— Не думаю, сам же видел: нелады у него с отцом. Иначе не оставил бы его в таком состоянии.

На следующий день к подъезду подъехали легковая машина и катафалк. Бывалые ребята из похоронной службы быстро справили дело, за дополнительную плату взяв все ритуальные хлопоты на себя. Поместив гроб с покойным в катафалк, туда же посадили молодых, единственных, кто провожал в последний путь фронтовика. Собственно говоря, никто и не знал о кончине Синеглазова. Лишь двое ещё присутствовали при выносе.

— Кто будет-то? — спросила пришедшая старушонка с бадиком у другой из этого самого подъезда.

— Право, не знаю. Позавчера только его привезли в двенадцатую квартиру, куда недавно молодая парочка вселилась. Калек, видела, безногий. На руках его заносили, на руках и вынесли. Гроб поднять поленились...

Неожиданно большими хлопьями повалил снег. Бывалые

похоронщики закрыли дверцы катафалка на щеколду. Сами сели в легковую. Машины медленно тронулись.

— Дождался ровно покойного, — сказала о снеге старушонка с бадиком и перекрестилась.

— Да, — согласилась с ней другая. — Верная примета. Видно, хорошим человеком был представившийся. Земля ему пухом!

ПОЛИНКИНО СЕРДЦЕ

На ноябрьские праздники Полинка отпросилась домой. После врачебного обхода и недолгих процедур она, с учётом ветреной и сырой погоды, тепло оделась в загодя принесённую мужем одежду, неприметно через приёмный покой вышла на улицу. Постояла, раздумывая, напрямик ли идти по станционным путям или вкруговую автобусом ехать. Второе выбрала. Не рискнула пешком. Прижмёт ещё сердчишко, в последнее время сильно сдавшее, где-нибудь в месте безлюдном.

Давно предупреждали её врачи о сердечной недостаточности. «Дальше откладывать нельзя!» — говорили. Она и сама сознавала, что без операции не обойтись, но тянула всё, откладывала по разным причинам. Из-за Люськи, дочки единственной, главным образом, подрасти ей давала, себя не жалеючи. Решилась на операцию, когда неспособность уже стало.

Прежде чем на предоперационное обследование лечь, в конце лета с последними силёнками на родину свою малую собралась. Здравствующего отца в дальней степной деревне навещать, с роднёй многочисленной пообщаться, с подругами свидеться. Нестерпимо захотелось по памятным с детства местам походить, дочурке восьмилетней показать. Подумала, неизвестно, как ещё сложится операция, хотя в Свердловском, лучшем отечественном кардиологическом центре будут её делать. Вдруг другой возможности съездить на родину не представится после.

Исполнила Поинка задуманное. Две недели, прощально словно, впитывала в себя деревенское, родное, за немалые разлучные годы в сибирском краю не забытое. Люську повсюду с собой водила, вдоль Ильмень-речки больше, по лугам её заливным и ветловой рошце. Радужными воспоминаниями дочурку веселила, сама веселилась. На кладбище лишь Люську не взяла. Одной хотелось там побыть. На могилке матери долго сидела, про жизнь свою не совсем складную рассказывала. Упрекнула даже было родимую, что напрасно, для страданий больше в сорок три года девятой её родила. Но спохватилась тотчас, материнский крест металлический обняла, слёзно прощения просила за мысли свои неразумные, до жестокости неблагодарные. Её ли не любила мать, не о ней ли, меньшенькой, единственной из деток

семейно не определившейся, тревожилась перед кончиной своей?

Всплакнула Поинка и на могилке Влада, двадцатилетним угоревшего в бане. Случайной и нелепой для всех была его смерть. Не смог он, знала она, разделить между нею и матерью своей, ради беспрекословной власти над сыном готовой даже проклясть его в случае обручения с любимой девушкой, Полиной то есть, ревностно неугодной ей.

— Не ровня она тебе. Учёная слишком, с медалью школу закончила, в институте учится. Всю жизнь под каблучком её будешь, — внушала она сыну изо дня в день, присмотрев для него другую невесту, заземлённую заметно, еле-еле со школой справившуюся, но покорную.

— Спихватись однажды, да поздно будет! — пугала даже не прислушивающегося к её материнским доводам сына, язвила. — Впрочем, не маленький. Поступай как знаешь. Беги к ней в город, расписывайся. Только дорогу обратную домой забудь. Я или она! Одно из двух!

С отчаяния, в минуту душевной слабости Влад выбрал третьё — смертельной порции банного угарного газа нахватался. Тогда-то впервые остро кольнуло в груди Поинкино сердце. С тех пор и стало частенько напоминать о себе.

— Возможно, встретимся скоро, — прошептала она теперь, через много лет после того страшного дня. — Расскажешь всё, как было, правоту мою подтвердишь.

Обессиленная вернулась она с кладбища, таблеток наглоталась, отлежалась еле. По этой причине вынужденно в обратную дорогу поспешила, отказавшись от поездки к тётке в соседнюю, не очень дальнюю деревушку, как намечала. Не задержалась Полинка и в областном центре у брата с сестрой, несколько дней лишь погостила, Люську поводила по городу, знакомому ей со времени учёбы в здешнем пединституте. Несколько раз забывалась, правда, на междугородный автовокзал всё сворачивала, билет купить порывалась до районного посёлка Александровка, где свою педагогическую деятельность начинала, где ещё одна трагическая смерть полоснула по её сердцу.

В том районном посёлке колхозного механика, подрабатывающего в её школе, потеряла навсегда. Задавило его на школьном поле, молодого, весёлого и видного, только-только после пробной городской жизни окончательно к земле притянувшегося. Не одна красавица по нему сохла, а он полюбил учительницу, недавно приехавшую, тихую и грустную. Сумел он растопить в её глазах устоявшуюся печалинку, улыбку её прежнюю вернуть.

Вскоро и предложение сделал, с родителями познакомил, благословения попросил. Не откладывая на поздний срок, свадьбу сразу же после завершения осенних полевых работ сыграть

решили, готовиться к ней стали. Да не сыгралась свадьба...

...За неделю до назначенной свадьбы горе случилось. Продружив до петухов, не стал Сергей кратким сном себя мучить. Переодевшись в рабочее, на школьный двор спозаранку отправился, старенькой «Дэ-Тэшкой» занялся, лемеха и предплужники просмотрел, на зябку по своему методу отрегулировал, чтобы с приходом старшеклассников тотчас к делу приступить.

Дождлся подопечных, показал им взаимодействие трактора с плугом. Чтобы не держать всех, очерёдность установил, домой отправил. С первым учеником два круга проехал, на третий самостоятельно пустил. Сам же в ожидании его прилёг в затишок копейки сена и незаметно уснул, да так крепко, что не услышал рокота трактора, при развороте на очередной круг зацепившего его смертельно крайним лемехом плуга.

Боль утраты наречённого усиливалась в Полинке нежным, схожим с виноватостью вниманием к ней матери Сергея, что переносилось куда тяжелее, чем холодный молчаливо-укоряющий взгляд матери Влада. Не выдержала Полинка. Отработав положенные два года, уехала с подругой-сорусницей в её сибирский городок, где и осталась, и прозаично сошлась с родственником подруги, намного старше себя, в естественном бабьем желании ребёнка родить и в семейных заботах забыться потихоньку...

Не так и много годочков с тех пор минуло, но по боли, по нагрузке на сердце каждый из них можно было засчитать за два, а то и за три, если сейчас вот, в тридцать пять лет всего, на праздники отпросившись из больницы, не могла она без передыха короткое расстояние до автобусной остановки одолеть. Хорошо, с автобусом повезло, тотчас вывернул на площадь, словно поджидал больную за густым ельником парка.

Полинка уселась на одноместное сиденье ближе к выходу, жадно стала смотреть через мутное от начавшегося дождя стекло на принаряженный к празднику город. Казалось, он пылал жаром флажков и транспарантов, но на первой же нецентральной улице красноцветье быстро угасло, и разом навалилась тоскливая серость осеннего дня, ещё острее почувствовалось холодное дыхание подступающей зимы. По одной из таких безликих улиц Полинка прошла к рубленому крепкому дому, так и не ставшему ей родным. Прежде чем подняться на высокое крыльцо, отдышалась, постояв под тополем, успевшим за время её нахождения в больнице растерять до последнего листочка свою былую пышно-золотую одежду.

Её встретила свекровь, восьмидесяти лет старуха, грузная, с больными, отказывающимися ходить ногами, отчего сиднем просиживающая у окошка свои однообразные дни.

— Пришла? — как бы между прочим поинтересовалась она. Взвесила что-то на своих старческих весах, тяжело поднялась, шагнула к невестке, словно кряжистая старая осина к тонюсенькой молодой сохнувшей осинке. — Какие новости?

— Обследуют. Вы-то как здесь без меня управляетесь? Холодно что-то, — Полинка зябко подёрнула плечиками, то ли от прохлады нетопленного помещения, то ли от свекровиной холодноватости к ней. — Не топили или выветрилось уже тепло?

— Не топили. Вася утром дров не занёс. Сижу вот, поджидаю, кто первым придёт.

Полинка в несколько заходов натаскала кучу берёзовых мелко, под короткую плиту, колотых поленьев.

— Чего надрываешься? — пожалела её свекровь. — Куда столько? И половины хватило бы.

— Постирать хочу. Много, гляжу, грязного накопилось.

— Пожалела бы себя, повредила.

— Туговато со временем, на праздники только отпросилась. После и вовсе не до стирки будет, в Свердловск ехать придётся.

— Без Васи не начинала бы, — отговаривала вроде свекровь, жалела невестку, а сама уже стала даже кухонные грязные тряпки собирать для стирки.

— Не скоро он будет. Видела, на тракторе за сеном поехал. Кому-то, наверное, срочно его

помощь понадобилась: на праздник не посмотрели, — ответила Полинка. — Ну и ладно. Ничего со мной не случится. Простирну потихоньку. Ещё ведь и убраться в доме надо. Праздники как-никак!

Полинка растопила плиту, принесла воды из собственного неглубокого колодца в палисаднике, поставила греть. Пока печка аппетитно хрумкала дровами, без аппетита, через силу отобедала, самую малость на диване полежала. В самый разгар стирки прибежала Люська, обрадовалась матери, зацеловала её, зататорила:

— А у нас концерт сегодня. Я тоже пою. Мам, пойдём?

— С удовольствием, доченька, сходила бы, да видишь, некогда. Ты беги уже. Вечером перед нами выступишь, ладно?

— Ладно, — Люська наскоро съела булочку с молоком, переоделась в нарядное, праздничное и, лёгкая, прозрачная вся, с матерью схожая, упорхнула, точно бабочка.

Трудно было Полинке откачать дочурке и не пойти с ней, побросав все домашние дела. Тянуло её в школу, ставшую для неё роднее мужниного дома. Помимо уроков и хлопотных обязанностей завуча, она внеклассные занятия проводила, всяческие кружки ещё вела. По существу, все дни там и находилась, даже воскресенья, выходной по всем статьям, прихватывала. Во всём этом находила необходимую для

себя отдушину от поднадоевшего серого вне школы, всё плотнее и плотнее обступившего её, на больное сердце давившего тяжко. В школе лишь ощущала она радость от задуманного ею и свершённого её воспитанниками, Люськой в том числе, ни на шаг от неё не отходящей, дополнительные силы ей придающей. Не столько премиям и призам, завоёванным школой при её участии на разных выставках и соревнованиях, она радовалась, сколько увлечённости ребят творчеством, их прикосновению к духовному и красивому.

Ценили педагоги Полинку, уважали родители школьников. Про детей и говорить нечего. Они просто липли к ней. Эх, если бы ещё и муж понимал её и больше тянулся к ней, помогал в её стремлениях, чем к собутыльникам стремился своим.

К приходу дочурки Полинка успела управиться со стиркой, развесила бельё в тесноватом дворе и на просторной веранде, за приборку дома взялась. Для пользы дела и свекровь с Люськой подключила, хотя от них, старой и больной да малой, толку мало, зато веселее. Казалось, вот-вот обессиленно свалится она посреди зала слишком просторного для них четверых дома. Нет же! Не свалилась. До конца начатое дело довела, словно после больничной палаты стены домашнего очага помогали. От всего этого спокойно становилось на душе, и сердце, кажется, не

так чувствовалось, как прежде. Нашла даже силы Люську искупать, свекрови помочь помыться и самой ополоснуться вдоволь нагретой водой в тёплой от жарко натопленной плиты кухне.

В хорошем настроении встретила Поинка мужа, к ужину подоспевшего с шабашки, на удивление трезвого, с бутылкой водки, не початой даже, в кармане.

«Держится. Не пьёт. Переживает всё же», — она благодарно посмотрела на сильно сдавшего от выпивок мужа, как-то разом потеплела к нему.

— Молодчина ты у нас! — она поцеловала его в небритую щёку, усадила за стол. — Теперь можно и рюмочку в честь праздника. Заслужил!

Потчюя мужа, Поинка, естественно, даже не притронулась к спиртному, к чему, к слову, никогда и не имела влечения. Василий тоже держался, после третьей рюмки на чай перешёл.

Отужинав, бельё с улицы занесли, на кухне досушивать развесили. По-семейному в зале у телевизора посидели, Люськины песни послушали, в картишки перебросились. Перед сном Поинка мужу волосы аккуратно подкоротила ножницами, мыться заставила, легла следом за ним в свежезастеленную постель. По привычке, включив торшер, свежие газеты просмотрела. Приподнялась, неудобно как-то потянулась выключить свет — и вдруг охнула и, обмякшая разом, упала на подушку.

— Что с тобой? — испуганно вскочил Василий.

— Таблетки подай... Там, в сумочке, — еле выговорила Поинка, настолько сильно сдавило в груди, что не было сил говорить. Лекарство не помогло. Давило внутри, затруднялось дыхание. Пришлось вызывать скорую.

Ожидание было томительным.

— Скорее бы приехали! Боль скорее сняли, — беззвучно шевелила Поинка ссохшимися губами, стараясь не потерять сознание. — Скорее бы!

Врач наконец-то подъехавшей скорой помощи не торопилась. Молоденькая совсем, не по возрасту спокойная и медлительная, она долго расспрашивала задыхающуюся Поинку, всё искала её пульс. Первые два укола не ускорили ритм Поинкиного сердца, что сильно удивило врача, но не вывело её из довольно флегматичного равновесия.

— Ничего страшного, — сказала она обеспокоенному Василию, достала более ёмкий шприц. — Сейчас добавим дозу, и всё будет в порядке.

От третьего укола Поинка слабо вскрикнула, дёрнулась всем телом. Словно все боли, которые пришлось ей испытать за свои прожитые годы, одновременно явились к ней в это мгновение. Она дёрнулась ещё раз, уже молча, и затихла. Её сердце остановилось. От огромной порции лекарства оторвался сердечный клапан, препятствующий

обратному движению крови, и... оборвалась Полинкина много-страдальная жизнь.

— Ничего не понимаю, — недавно лишь начавшая самостоятельно работать врач скорой помощи в недоумении всё пыталась нащупать в холодеющей руке пульс.

— Придётся везти в больницу, — опустив Полинкину руку, спокойно проговорила она.

Василий укрыл жену простыней, укутал в одеяло и торопливо понёс её, невесомую почти, на выход. Старая мать его молчаливо и, кажется, безучастно глядела им вслед. Люська, намотавшаяся за день, спала. Настенные часы ритмично отсчитывали первый час нового, уже праздничного дня.

ТЁПЛОЕ МЕСТО

Сваленную на подталый мартовский снег завидно белую, крепкую капусту, к тому же недорогую по цене, брали нарасхват, и скоро на месте хрусткой горки кочанов остались одни лишь капустные листья.

В этой куче, быстро прихватываемой окрепшим к вечеру морозом, неспешно, словно вокзальный бомж, рылся вполне благовидный старик. Сложив отобранное в матерчатую сумку, чуть прихрамывая, он отправился к перекидному мосту. С двумя передыхами одолел лестницу, остановился наверху подымит

дешёвой сигаретой. С моста, высоко и длинно нависшего над железнодорожными путями, хорошо просматривалась на обе стороны крупная станция с действующим и строящимся вокзалами, с различными служебными и техническими сооружениями.

Сход с моста выводил к локомотивному депо, где начинал он работать после окончания железнодорожного училища, о котором ему напоминает сохранившийся ремень из кожзаменителя с выдавленными на литой бляшке буквами Ж и У. Из высокой трубы деповской котельной необычным деревом пророс дым, сейчас, при закатном солнце, разноцветный: в основании тёмно-фиолетовый, к середине — сиреневый, дальше — розовато-жёлтый почти до самого верха с чуть скошенной ветром расплывчатой кроной, белёсо сливающейся с небом.

Подобных дымов-деревьев проросло множество, поскольку пристанционный район и по названию, и по сути Промышленный, и таким дружным колком они поднимаются над ним. Больше всего дымов, естественно, над ремонтным заводом, куда из родного депо вынужденно перевёлся он перед самой пенсией...

...В аварию угодила. Несколько часов без сознания на морозе пролежал, выброшенный из кабины тепловоза при ночном столкновении с другим таким же в глухоманной казахской степи. Министерская комиссия

не усмотрела его вины, но по состоянию здоровья врачи категорически запретили ему садиться за тепловозный контроллер в кабине машиниста. Помороженные пальцы цепкость потеряли, частенько не слушались. Спасибо заводскому начальнику по кадрам, под свою ответственность направил его на железнодорожный участок, где и тянул он машинистом маневрового тепловоза до увольнения, не считая недолгой работы напоследок сторожем в одном из административных зданий...

Любуясь дымами, старик бережливо докурил сигарету. Похромал дальше по бетонному настилу моста.

— Капустки взяли, Егор Кузьмич? — спугнул старикиевские вязкие думы тёплый женский голос. — Дайте понесу. Тяжело ведь.

— Не тяжело, Катерина, — узнал он заводскую кассиршу. — Листочки одни. У магазина подобрал. А вот спуститься подмогни, дочка. Ступени сильно скользкие, а пальцы одеревенели словно. За перила не удержаться.

Молодая кассирша легко подхватила его под руку, свела по скользким ступеням вниз, поинтересовалась содержанием сумки:

— Кроликам?

— Самим с бабкой на щи отобрал. Свежие листочки, чистые. Пойдут для нас. С деньгами худо. Пенсионные недавно вот получили, сразу же дочке послали, на

лекарство внуку. С кровью у пацана неладно.

— Серьёзная болезнь, — почувствовала она.

— Нехорошая, сказывают. К тому же с зятем нам не повезло. Мало того, что дочку далеко увёз, — к водке быстро пристрастился. Не выдержала дочка, развелась. Одна теперь с больным сынишкой. Еле-еле концы с концами сводит, — разоткровенничался старик. — Переживаем за неё шибко. Потому сильнее всё гипертония бабку давит.

— А что же вы, Егор Кузьмич, сторожить бросили? Приработок как раз бы кстати был. И место было тёплое, не то что в литейном цехе, где сквозняки гуляют и дышать нечем. Знаю, дядька мой немного поработал там. Рассказывал.

— Так и я знаю. Перед уходом с завода предлагали туда. Отказался. Не по моему здоровью. А с места, как ты говоришь, тёплого-то меня сократили. С Нового года ещё. Начальник вызывал, что Ивана Васильевича сменил. Усатый такой, с лысинкой. Как его? Фамилия такая огородная, неблагозвучная...

— Паслёнов, — подсказала кассирша, — Эдуард Палыч.

— Во-во. Извинялся за сокращение. Мол, не может за мной это место сохранить... Мол, упраздняется оно...

— А сам с ходу оформился на это место, — не сдержала свои эмоции, перебила его кассирша. — Ну, Эдичка! Ну, даёт!

— Не может быть, — усомнился старик. — Путаешь ты что-то, Катерина.

— Нисколючко! — обиделась даже кассирша. — Сама же сторожевые ему выдаю. Дошли бы до него, Егор Кузьмич, ситуацию свою обрисовали.

— Попробую, — пообещал ей на прощание Егор Кузьмич, не очень-то поверивший услышанному: разве позволит большой начальник до сторожа опуститься и его, заслуженного ветерана, обидеть?

Посомневался он, но всё же собрался к Паслёнову: попытка не пытка! Выбрился, приоделся. С трудом добирался. По морозу. К тому же с ветерком.

Долго дожидался Паслёнова, следом за ним протиснулся в дверь.

— Погоди, дед, — остановил его хозяин кабинета, с мороза занявшийся выщипыванием сосулечек из отвислых усов. — Срочные дела решу и позову.

Егор Кузьмич дисциплинированно стал ожидать приглашения. К Паслёнову входили и выходили посетители. А его всё не звали. Пришлось ему напомнить о себе.

— Эдуард Павлович, не забыли обо мне?

— Сказал же, позову, как освобожусь! — недовольно глянул на него Паслёнов, точно ржавыми буравчиками просверлил. Барственно развалившись в кресле, он сидел за столом с распушенными уже усами,

с прилизанной волос к волосу жидкой причёской. Похоже, смилостивился к старику.

— Так что у вас? Только быстро давайте!

Не успел Егор Кузьмич высказать суть прихода, как без стука вошла расфуфыренная дамочка:

— Не опоздала я, Эдичка?

— В самый раз! — услужливо закружился возле неё Паслёнов, кивком головы указал старику на выход.

«Надолго, видно, у них», — огорчился Егор Кузьмич, нетерпеливо заходил по коридору.

— Кузьмич, ты ли? — окликнули его из угловой комнаты, где не так давно, будучи сторожем, и он по ночам бодрствовал. — Каким ветром занесло?

— К Паслёнову. Никак не могу с ним переговорить, — заглянул он в знакомую комнату, не скрыл своего удивления от появившихся здесь телевизора, холодильника и дивана. — Ого! Со всеми удобствами!

— Эдуард Палыч не может иначе, — пояснила уборщица. — Он, дочка сказывала, и в цехе такую же комнатку рядом с кабинетом своим имел.

— Разве не из пришлых он?

— Не знаю, как и сказать. И уходил он с завода не раз, и возвращался. В последнее время начальником электроцеха был. Дочка там у меня табельщицей...

Егор Кузьмич вспомнил табельщицу электроцеха, которая не пускала его к начальнику,

и самого Паслёнова вспомнил, безусого тогда, отказавшегося принять его сторожем. Ещё паслёновскую пересыпанную матом истерику при нём, считай, постороннем, предназначенную кому-то на другом конце телефонного провода, вспомнил. Как сейчас услышал его тогдашнее: «Взорвать бы этот завод с его революционными традициями».

«Вот он каков, оказывается! Вчера готов был бомбу подложить под старейшее предприятие города, а сегодня о его благе высокие слова с трибуны льёт как один из руководителей завода. Быстро же переделался, словно вывеску сменил. Даже внешне изменился, как бы маску новую надел... Не скажи уборщица о нём, не признал бы». Подивившись неожиданному для себя открытию, спросил:

— Не обижает Паслёнов?

— Не жалуюсь пока. Разве ключи вот от этой комнаты не доверяет. На время лишь даёт, марафет навести. Он и в цехе, как сейчас мне, никому, кроме дочки моей, не позволял убираться. Да я и не обижаюсь, хорошо ещё на работе меня, пенсионерку, держит.

«Из-за дочки, похоже, Матвеевна держится», — вдруг плохо подумал Егор Кузьмич о Паслёнове.

— Пойду я, освободился, поди, — сказал он задумчиво. — Всего доброго тебе...

Паслёнов всё ещё любезничал с дамочкой. «Да он же смеётся надо мной, на измор берёт, — занервничал Егор Кузьмич. — Видимо, понял, зачем я пришёл. Может, и кассирша обо мне ему сказала... А я-то губы раскатал. Куда там! При увольнении он лишь хорошо говорил, чтобы по-тихому со мной расстаться. Боялся, видно, что шум подниму, пусть и бесполезный, но неприятный для него. Теперь закорневел. И ничего с ним не сделаешь. Не те времена! Такие за справедливый и добрый характер и свалили Ивана Васильевича. Э-эх!»

Сильно растревожил себя Егор Кузьмич. Не приходил бы лучше! Тяжело дохромал он до своей, первой на станции, деповской двухэтажки.

Прежде чем зайти в тесную квартиру, откуда, верный памяти о родителях — потомственных железнодорожниках, не захотел он съезжать в новый дом, передохнуть решил. Две сигареты выкурил, успокаиваясь и обдумывая, что больной жене сказать.

— Ну как? — спросила она. — Договорился?

— Знаешь, мать. Передумал я в завод идти, — через силу весело солгал он. — Нет смысла за мизерную зарплату на завод колдыбать. Корейца знакомого встретил. Столковался с ним на лето лук и арбузы стеречь. Хорошие деньги заработаю. Не пропадём!